

Когда Се Линь ступил за пределы руин Императорского Храма Предков, под его ногами лежали обугленные кирпичи и камни, а над головой простиралось ночное небо, где пепел кружился словно снег. Семьдесят два свитка, написанных кровью, раскинулись позади него, подобно разорванным ветром душам, и один за другим полетели к людям. На нем не было императорского халата — лишь наполовину содранная нижняя сорочка, испачканная кровью, волосы растрепались, а на кончиках пальцев все еще запеклась свежая кровь. Позади него семеро личных стражей несли каменный каток, тушечницу и бумагу, молчаливые, как надгробные плиты.

— Сделайте тысячу оттисков, — его голос звучал хрипло, но в каждое слово вбивался, как железный гвоздь. — На улицах, в военных лагерях, академиях, на почтовых трактах, в буддийских храмах — всюду, где живут люди, развейте их.

Когда приказ был отдан, простой народ поначалу принял это за бредни нечисти. Кто-то насмешливо бросил: Разве исписанная безумцем кровь может называться историей? Кто-то попытался сжечь свиток, но сосед выхватил его из рук и прижал к груди. В ту ночь тофучница, торговавшая на юге города, с ужасом обнаружила на клочке бумаги, написанном кровью, следующие слова: На седьмой год правления Тяньци твой сын пал в бою под Яньмэнем не ради защиты родины — интендант урезал его паек, и от голода люди ждали смерти и обменивались детьми, чтобы съесть их, а он сам бросился на меч в снегу. Она опустила на колени прямо на землю, прижимая к себе испачканный кровью свиток, и зарыдала так надрывно, будто ее сердце разрывалось на части. На следующий день она завернула этот свиток в пленку с внуком и прошептала: Жизнь твоего отца не должна пропасть даром.

В то же время Цэнь Чжао уже затерялся среди простых горожан. Притворившись сказителем, он слегка покачивал складным веером на высоком помосте в чайной, и голос его лился журчащим ручьем: Разве уважаемые господа не знают? В тот год, прежде чем повеситься, наследный престол начертал в кабинете императора три иероглифа: «Я невиновен». Чернила еще не высохли, как пламя охватило все книгохранилище. Едва он умолк, как сидевший внизу ученый уже залился слезами и вытащил из-за пазухи бумажный свиток — это был тот самый оттиск, исписанный кровью. Свернув бумагу бумажным журавликом, он поднес ее к огню свечи и прошептал: Я сжого его за тебя, и теперь ты сможешь взлететь.

Монахи читали сутры в тишине молельни, но на полях священных текстов прятались примечания, выведенные кровью: Намитабха, это не ради спасения живых существ, а ради искупления грехов. Почтовые служащие меняли лошадей на станциях, и под седлами лежали обрывки писем в крови, которые подбирали путники и передавали друг другу при свете постоянных дворов. В одно мгновение исписанная кровью бумага перестала быть просто бумагой — она стала отголоском душ.

Сын Неба пришел в ярость и отдал срочный приказ императорской страже окружить город. Тысячи воинов в доспехах заполнили переулки, их клинки сияли инеем, но они увидели лишь простолюдинку, которая прижимала к себе младенца и стояла на коленях посреди улицы, закрывая лицо ребенка окровавленным свитком, словно щитом или знаменем. Ученый стоял у ворот академии, обмакивая кисть в тушь, смешанную с кровью, и выводил на стене слова, написанные кровью. Дописав последнюю строчку, он поджег себя и среди языков пламени выкрикнул: Историю пишу я, а души передают потомки! Языки пламени лизали его тело, но на губах застыла улыбка, словно он наконец добился того, чего желал всем сердцем.

Се Линь поднялся на городскую стену, ветер трепал его разодранные одежды, а свитки с кровью порхали в его руках, точно бабочки. Он высоко поднял один из обрывков — тусклые, выцветшие буквы казались высеченными в камне: То, что помните вы, и есть история.

Под стеной стояли тысячи людей, храня абсолютное молчание. Ни звука не раздавалось вокруг — лишь ветер свистел в ушах, шепча голосами тысяч душ.

Цэнь Чжао стоял в трех шагах позади него. Его плечевой ушиб еще не зажил, сквозь белую ткань проступала кровь, но стоял он прямо. Смотря на спину Се Линя, на залитую багровым заревом пожара городскую стену, на сотни обращенных вверх лиц — испуганных, плачущих, безумных или прозревших, — он тихо произвел:

— Ты пишешь вовсе не историю.

Се Линь не обернулся, лишь крепче сжал в руке окровавленный свиток.

— Ты пробуждаешь души. — Голос Цэнь Чжао был предельно тих, но каждое слово звучало как удар колокола. — Они мертвы, но ты заставил их жить — не на страницах хроник, а в человеческих сердцах.

Се Линь наконец повернулся. Его взгляд был острым, как нож, но, коснувшись бледного лица Цэнь Чжао, на мгновение смягчился. Он протянул руку, испачкал кончик пальца кровью и нежно стер невысохший кровавый след с губ Цэнь Чжао.

— Ты ведь мог занять императорский трон, — прошептал он.

— Но ты, — Цэнь Чжао улыбнулся, и в его глазах блеснул свет, подобный отражению первого снега в луне, — ты показал мне, что трон — это замок, а истина — дверь.

Вдали приближались ряды железных доспехов императорской стражи, туго натягивались тетивы луков, а наконечники стрел сверкали холодом звезд.

Однако Се Линь высоко поднял свиток над головой, и его голос, подобный грому, пронесся по всему городу:

— Сегодня я использую кровь вместо туши, а жизни вместо бумаги — готовы ли вы стать следующей строкой в этой книге истории?!

Десятки тысяч людей молчали.

Вдруг раздался детский, чистый голосок:

— Готов!

Затем женщина, старый солдат, ученый, гонец, монах — бесчисленные голоса слились в единый бурный поток:

— Готов!

— Готов!

— Готов!

Се Линь закрыл глаза, позволяя кровавым слезам покатиться по щекам и упасть на свиток, превращаясь в еще более темные чернила.

Цэнь Чжао шагнул вперед, сравнявшись с ним плечом, положил руку на его ладонь, и вместе они подняли тот свиток с кровью.

Взметнулся ветер, и свитки закружились, словно тысячи кровавых бабочек, устремляясь в ночное небо, навстречу рассвету.

Под стеной люди опустились на колени, касаясь лбами земли, словно поклоняясь божеству.

На стене оба смотрели друг на друга, и слова были излишни.

Они знали:

С этого мгновения историю больше не пишет Сын Неба.

Её своими руками пишут...

Каждый, кто помнит.

Каждый, кто жив.

Каждый, кто смеет сказать правду.

<http://bllate.org/book/19340/1891112>